

зовёт к себе. И думает: «Нет, сердцу нельзя и не должно воевать против женщины, с которой столько изжито. Что мне делать из себя, куда, кому я нужен? Хорошо и то, что хоть для неё нужен». Но... вновь бежит от своей мучительной привязанности. И исповедуется в письмах к другу Боткину: «Сказать тебе по секрету — но, чур, по секрету! — я, кажется, сделал глупость, воротившись к ней...» И не нужна Авдотья мятущемуся Некрасову, и необходима. Себе покоя не находит и её, не виноватую в своей любви, терзает:

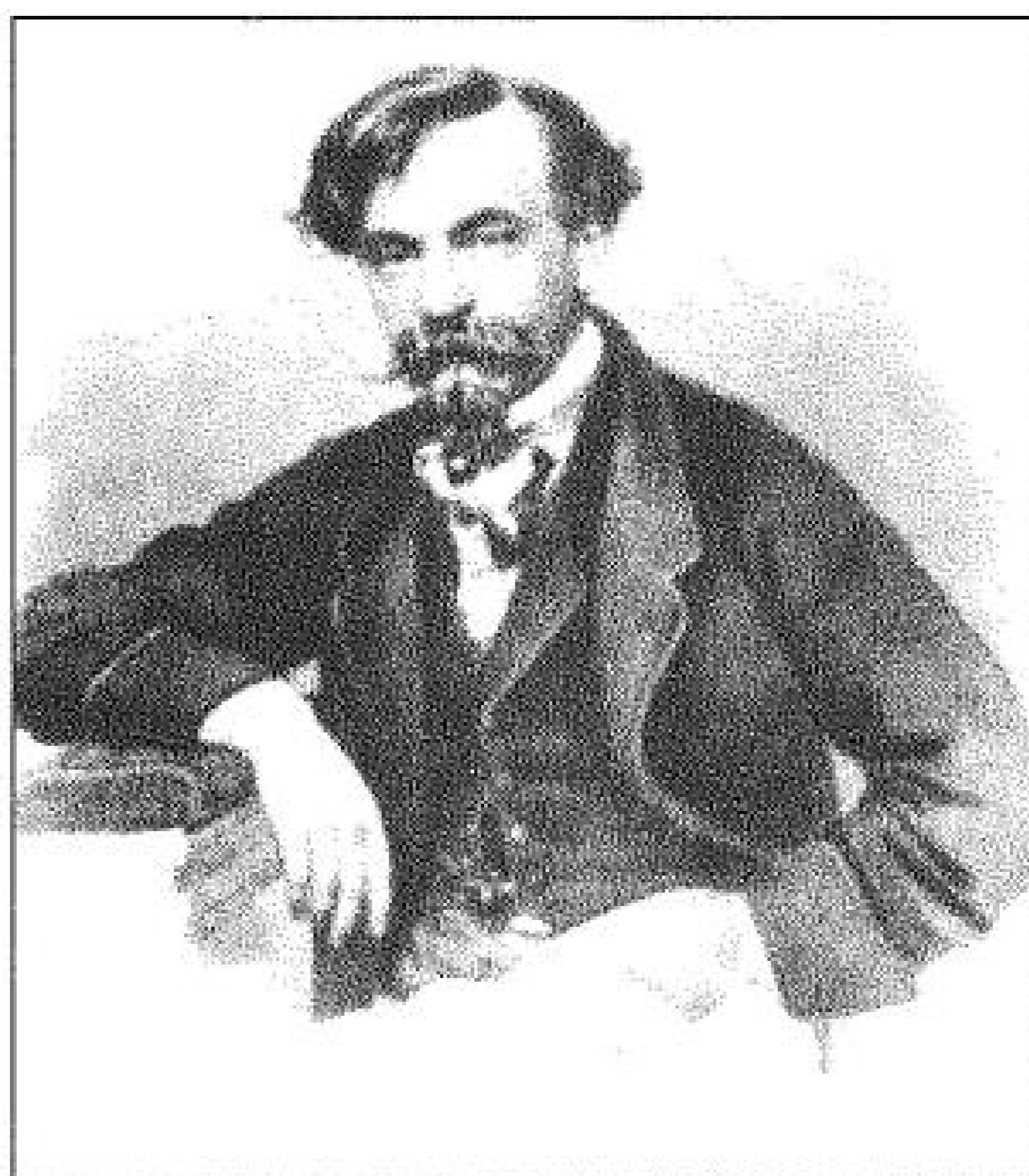
*О сердце бедное моё!
 Боюсь: ты скоро изнеможешь...
 Простить не можешь ты её...
 Зачем же не любить не можешь?...
 («О сердце бедное моё!...»)*

В своих лирических стихах Некрасов не просто создаёт образ героини, что уже само по себе ново, он создаёт новый характер: в развитии, в разных, подчас неожиданных проявлениях — самоотверженный и жестокий, любящий и ревнивый, страдающий и заставляющий страдать. «Я не люблю иронии твоей...» — уже в одной этой фразе есть характеры двух людей и бесконечная сложность их отношений. Недаром Блок воспользуется началом этого стихотворения для своей драматичнейшей статьи «Ирония». Это ещё один шедевр некрасовской любовной лирики. Одновременно это и образец интеллектуальной поэзии, где герой и героиня — культурные люди, в их отношениях присутствует ирония и, главное, высокий уровень самосознания. Они знают, понимают судьбу своей любви и заранее грустят:

*Я не люблю иронии твоей.
 Оставь её отжившим и не жившим,
 А нам с тобой, так горячо любившим,
 Ещё остаток чувства сохранившим, —
 Нам рано предаваться ей!
 Пока ещё застенчиво и нежно
 Свидание продлить желаешь ты,
 Пока ещё кипят во мне мятежно
 Ревнивые тревоги и мечты —
 Не торопи развязки неизбежной!
 И без того она не далека:
 Кипит сильней, последней жаждой полны,
 Но в сердце тайный холод и тоска...
 Так осенью бурливее река,
 Но холодней бушующие волны...
 («Я не люблю иронии твоей...»)*

Своеобразие поэзии Некрасова заключается в том, что в ней как бы разрушается лирическая замкнутость. Его любовные стихи открыты для героини. Она входит в стихотворение со всем богатством и сложностью своего внутреннего мира.

Некрасов шёл новым и непростым путём. Если предшественники поэта предпочитали изображать

Иван ПАНАЕВ (1812—1862), русский писатель, литературный критик

прекрасные мгновения этого чувства, то у Некрасова «проза» и «поэзия» в любви сочетаются. У него любовь — чувство земное. Поэтому отношения между любящими достаточно сложны. Некрасов создаёт противоречивый образ женщины — подруги в трудной жизни поэта. Она самоотверженна, жестока, влюблена и в то же время ревнива. Так появляется в его поэзии «проза любви».

Именно Некрасову принадлежит формула «проза любви». Как пишет один из критиков, «эта проза состоит не в особой приверженности к быту, к дрязгам», а в том, что это «мир сложных, «достоевских» страстей, ревности, самоутверждения и самоугрызения».

В 1855 г. у Некрасова обостряется болезнь горла, он вынужден надолго уезжать из дома. Авдотья Яковлевна из-за постоянной напряжённости в их отношениях поощряет его выезды в деревню. Поэт с привычной подозрительностью пишет:

*Ты меня отослала далёко
 От себя — говорила мне ты,
 Что я буду спокоен глубоко,
 Убежав городской суеты.
 («Ты меня отослала далёко...»)*

Оба тяжело переживали окончательный разрыв. Даже в разлуке Некрасов продолжал её любить и ревновать. В жизни поэт не всегда бывал откровенен, особенно в том, что касалось его внутреннего мира. Но в своей любовной лирике он предельно правдив — до саморазоблачения, до самоуничижения. Это летопись долгой, мучительной борьбы двух характеров, любовного поединка, в котором не было победителя и не было побеждённого.

Перебирая в памяти страницы этой летописи, мучимый жгучими воспоминаниями, смертельно больной, он искал утешения в строках, воспевающих возлюбленную. Свои чувства поэт излил в «Трёх элегиях», последних, обращённых к ней словах, ставших поэтическим эпилогом их любви:

*Бьётся сердце беспокойное,
 Отуманились глаза.
 Дуновенье страсти знойное
 Налетело, как гроза.
 Вспоминаю очи ясные
 Дальней странички моей,
 Повторяю стансы страстные,
 Что сложил когда-то ей.
 Я зову её, желанную:
 «Улетим с тобою вновь
 В ту страну обетованную,
 Где венчала нас любовь!»*

Ольга ТРЕТЬЯКОВА,
 библиотекарь Областной
 юношеской библиотеки